

тила их в неосвещенном подъезде», — пишет А. Белый и в скобках добавляет: «так бывает в первый миг после смерти»⁴.

Духовная субстанция, существующая в человеке, существует, согласно А. Белому, как бы независимо от него самого. Она может быть обнаружена, может и не быть обнаружена, но она есть, и именно она составляет ту невидимую, но чрезвычайно важную «астральную» сферу жизни, через которую и осуществляется его связь со вселенной и даже с «потусторонним» миром.

Многое объединяет А. Белого с Достоевским, но многое и разделяет их. Мира, из которого «прибыл» черт в романе Достоевского «Братья Карамазовы», реально не существует. Это понимают все: и автор, и Иван Карамазов, и сам «черт», и читатель. Здесь постоянно чувствуется условность, негласная договоренность поверить на время в то, что черт есть действительно черт. Черт Достоевского — условность и аллегория. Черт же в романе А. Белого (выступающий в облике «младоперса» Шницарфне) — с и м в о л, за которым скрыто нечто сущее, несмотря на то, что с точки зрения художественной выразительности он менее достоверен, нежели его литературный предшественник. Мир, из которого он прибыл к Дудкину, существует для А. Белого в действительности. Состоит этот мир из необъятных пространств, «соединенных с пространствами нашими в математической точке касания», — как говорится в главе 6 «Петербурга»⁵. Это и есть четвертое измерение — бездна, царство Сатурна, куда был унесен ранее бесами Дудкин и откуда он вернулся после того, как прошел «сон» (ему приснилось, что он летал на ведьмовский шабаш).

Довершает символическую иносказательность романа сцена появления на улицах столицы Медного всадника: «Мускулы металлических рук — распрямились, напряжились; и рванулось медное темя; на булыжники конские обрывались копыты, на стремительных, на ослепительных дугах; конский рот разорвался в оглушительном ржании, напоминающем свистки паровоза; густой пар из ноздрей обдал улицу световым кипятком; встречные кони, фыркая, зашарахались в ужасе; а прохожие в ужасе закрывали глаза».

Это — поэма Пушкина, прочитанная сквозь призму Апокалипсиса. Такое ее толкование было подготовлено в русской литературе и Достоевским, и Брюсовым (стихотворение «Конь блед»). Летит по проспектам и линиям Васильевского острова всадник в романе А. Белого — сообщить террористу Дудкину, что история человечества зашла в тупик. «Ничего: умри, потерпи...» — говорит он ему странные слова. Не даст террор выхода из этого тупика (как не даст его и следование сухой рационалистической жизненной схеме буржуазного Запада). Об этом и говорит символический Всадник — и своим появлением на улицах объятых революционным брожением Петербурга в октябрьские дни 1905 г., и своим визитом к Дудкину, и своим разговором с ним.

В «Медном всаднике» Пушкина Евгению к а ж е т с я, что за ним гонится Петр на бронзовом коне. В «Петербурге» Медный всадник мчится по городу сам по себе: «Линия полетела за линией: пролетел кусок левого берега — пристанями, пароходными трубами и нечистой свалкою пенькой набитых мешков; полетели — пустыри, баржи, заборы, брезенты и многие домики».

Но А. Белый пишет не фантастический роман, хотя само «задание» потребовало от него радикального расширения как сферы изображения, так и поэтических средств. Он стирает границы между тем, что «есть», и тем, что «было», между прошлым и настоящим, между «этим» и «тем» миром. Для него не существует ни смерти, ни рождения в «общепринятом» смыс-

⁴ Здесь и далее «Петербург» цитируется по первому отдельному изданию (СПб., 1916).

⁵ Разрядка моя. — Л. Д.